

№

АНТРАКТЪ.

15.

Антрактъ выходитъ ежедневно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.) Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Ив. Ив. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домъ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Спектакли 17 апрѣля. — 17 апрѣля въ театрѣ, *стих.* — По поводу представленія на нашей сценѣ «Виндзорскихъ проказницъ». — Смѣсь.

СПЕКТАКЛИ 17 АПРѢЛЯ.

17-го Апрѣля, въ высокаторжественный день рожденія Государя Императора, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, спектакли на всѣхъ театрахъ были даровые. Въ Москвѣ такихъ спектаклей не было съ 30 Августа 1856 г., т. е. со времени коронаціи; въ Петербургѣ же въ послѣдній разъ были даровые спектакли по случаю празднованія тысячелѣтія Россіи. Билеты на спектакли въ московскихъ театрахъ раздавались не въ кассахъ театровъ, а въ канцеляріи генераль-губернатора. Они были разсланы ко всемъ старшинамъ сословій, во все учебныя заведенія, во все присутственныя мѣста, начальникамъ войскъ, городской Думѣ, сельскимъ старшинамъ и инвалидамъ. Первые ряды креселъ были заняты сенаторами, генералами, консулами иностранныхъ державъ и другими почетными лицами; остальные ряды занимали представители разныхъ присутственныхъ мѣстъ и лица всѣхъ сословій. Въ четырнадцатомъ же ряду креселъ сидѣли инвалиды Измайловской богадѣльни, за ними помѣщались волостные старшины и писаря крестьянъ временно-обязанныхъ, государственныхъ и удѣльныхъ имуществъ. Дамъ въ креслахъ было весьма мало. Бельэтажъ и бенуаръ занимали семейства почетнѣйшихъ лицъ города, ложи надъ бельэтажемъ занимали воспитанницы женскихъ учебныхъ заведеній, ложи 3-го яруса — воспитанники мужскихъ учебныхъ заведеній, а 4 и 5 ярусы — нижніе чины и другіе жители города.

Дорогой для всякаго русскаго день рожденія любимаго Монарха въ нынѣшнемъ году, какъ и слѣдовало ожидать, былъ отпразднованъ особенно торжественно. Въ Большомъ театрѣ народный гимнъ при громогласныхъ восклицаніяхъ публики и единодушныхъ крикахъ ура былъ повторенъ 16 разъ. Его исполняли артисты всѣхъ московскихъ труппъ, т. е. оперной, драматической и балетной; а въ Маломъ — воспитанницы московскаго театральнаго училища и артисты, участвовавшіе въ спектаклѣ на этомъ театрѣ. Одно искреннее, горячее чувство любви къ Монарху связывало и исполнителей гимна и его слушателей.

Чиновники и артисты императорскихъ московскихъ театровъ приступили къ подпискѣ на сооруженіе

образа во имя св. Александра Невскаго. Они намѣрены испросить позволеніе поднести этотъ образъ Государю Императору въ память того дня, когда рука Всевышняго рукою костромскаго крестьянина спасла драгоценную жизнь обожаемаго Монарха. Члены московскаго Артистическаго Кружка, Музыкальное Общество и артисты всѣхъ труппъ московскихъ театровъ изъявили желаніе, когда Государь Императоръ посѣтитъ Москву, встрѣтить Его на дебаркадерѣ желѣзной дороги съ пѣніемъ гимна «Воже Царя храни».

Б. П.

17 АПРѢЛЯ ВЪ ТЕАТРѢ.

Какъ все свѣтло, прекрасно здѣсь!
Что за отраднѣйшій духъ здѣсь вѣетъ?
Что такъ театръ ликуетъ весь?
Предъ чѣмъ здѣсь все благоговѣетъ?
—Однимъ желаніемъ горя,
Народъ справляетъ день рожденія
Недавно волей Провидѣнья
Ему спасеннаго Царя,
Царя, который далъ народу
И миръ, и милость, и свободу!
Къ Царю народная любовь
Себя здѣсь громко заявляетъ,
Она здѣсь массы вдохновляетъ,
И гонить къ сердцу шибче кровь,
И всѣхъ въ одну семью сливаетъ.
Пускай теперь весь вражій сбродъ
Своихъ къ намъ вышлетъ эмиссаровъ;
Царю защита—весь народъ!
Изъ насъ здѣсь каждый—Комиссаровъ!
Въ насъ той любви великъ занаятъ,
Попытки противъ насъ безцѣльны,
Мы съ Государемъ нераздѣльны,
Мы за Него, а Онъ за насъ!
Да, этой связью мы гордимся.
Она сильна,—и не боимся
Мы больше козни никакой,
Мы чтимъ и любимъ всей душой
Того, Кто намъ всего дороже.
Храни Царя, великій Воже!
Онъ наша сила, нашъ покой!

Одинъ изъ зрителей.

ПО ПОВОДУ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НА НАШЕЙ СЦЕНЕ
«ВИНДЗОРСКИХЪ ПРОКАЗНИЦЪ».

«Виндзорскія проказницы» неимѣли успѣха на нашей сценѣ. Эта комедія Шекспира холодно принята нашей публикой. Между тѣмъ съ перваго представленія ея мы вынесли впечатлѣніе самое отрадное и вышли изъ Малаго театра болѣе удовлетворенными, чѣмъ выходили изъ него послѣ представленія другихъ шекспировскихъ пьесъ. Скажемъ больше, послѣ представленія «Виндзорскихъ проказницъ» въ насъ еще болѣе укрѣпилась надежда на то, что Шекспиръ, быть можетъ, займетъ-таки наконецъ подобающее ему мѣсто и въ репертуарѣ русской сцены, по крайней мѣрѣ, нашей московской. Чему же обрадовались мы? Въ чемъ могли найти для себя такое удовлетвореніе? Откуда эта возросшая надежда наша? — Объяснимся. То обстоятельство, что «Виндзорскія проказницы» не имѣли успѣха, нисколько не поразило насъ, потому что не было для насъ новостью. Такой исходъ представленія этой комедіи очень естественъ и понятенъ, для насъ, по крайней мѣрѣ; подобный результатъ былъ для насъ совершенно ожидаемымъ результатомъ. Мы заранѣе и давно уже помирились съ мыслью о томъ, что пьеса будетъ встрѣчена молчаніемъ и холодною публики и ждали всего. Вотъ почему, передъ представленіемъ этой комедіи, мы не распространялись ни о ея достоинствахъ, ни о ея значеніи въ ряду другихъ шекспировскихъ пьесъ и не привѣтствовали появленія ея на нашей театральной афишѣ, какъ дѣлали это по отношенію къ другимъ пьесамъ Шекспира, игравшимъ на нашей сценѣ; мы ограничились только помѣщеніемъ статьи Гервинуса объ этой комедіи; мы оставили безъ подстрочнаго примѣчанія и безъ малѣйшей оговорки даже мнѣніе Гервинуса о безотносительной слабости этой комедіи, мнѣніе, съ которымъ мы положительно несогласны. Мы не ждали успѣха «Виндзорскихъ проказницъ» прежде всего потому, что хорошо знаемъ нашу публику, присмотрѣлись къ ея требованіямъ, симпатіямъ и привычкамъ. Пьесами современнаго репертуара и особенно пьесами послѣдняго времени она страшно приучена къ дидактизму или даже и просто къ пустой тенденціозности. Она желаетъ и требуетъ, чтобы мысль или тенденція, положенная въ основаніе пьесы, бросалась, что называется, и въ глаза, и въ носъ, и въ ухо, давала знать о себѣ безпрестанно, на каждомъ шагу; словомъ, чтобы эта мысль или эта тенденція кричала и вопила во всякомъ дѣйствіи, во всякой сценѣ пьесы, сквозила изъ-за всякаго ея слова. Ей нужны и нравятся пьесы, въ самомъ заглавіи которыхъ уже указаны ихъ основныя тенденціи. Отсюда мода и даже почти обычай послѣдняго времени называть современные пьесы пословицами, отсюда-то всѣ эти: *Блудитъ не порокъ, Не въ свои сани не садись, Не въ деньгахъ счастье, Снявши голову—по волосамъ не плачуть, Шуба овечья—душа человѣчья* и сотни другихъ подобныхъ. Слишкомъ скучная пища, предлагаемая въ пьесахъ этого рода, всегда бываетъ разжевана, пережевана и, что называется, чуть не

наильно положена въ ротъ публикѣ, которая тѣмъ охотнѣе принимаетъ ее, не думая о томъ, что пища эта, благодаря именно процессу пережевыванья, оказывается и безсочною и непитательною. И вдругъ рядомъ съ такими-то пьесами является комедія, которая названа именемъ какихъ-то *Виндзорскихъ проказницъ* и, стало быть, по названію уже вовсе не общается быть пьесою тенденціозною. А тутъ еще нѣкое, иностранное слово: *виндзорскія*, и полунѣмое имя: *Шекспиръ*; иная часть нашей публики, по двумъ тремъ недавнимъ опытамъ только и знаетъ, что отъ пьесы, подписанной этимъ именемъ, нечего ей ждать какой нибудь, что ни на есть новомодной идейки, чего нибудь сильно бьющаго ухо. Въ самой комедіи — слишкомъ будничная, слишкомъ обиденная жизнь, жизнь въ чернѣ. И вотъ уже со многихъ устъ срываются возгласы: *фи, да что это такое, да какъ это можно*. Правда, восклицается все это сквозь невольную, несходящую съ тѣхъ же самыхъ устъ улыбку; ну да вѣдь смѣяться можно мало-ли надъ чѣмъ! Надъ чѣмъ же однако можно смѣяться въ *Виндзорскихъ проказницахъ*? О, надъ чистѣйшими пустяками и сущей бездѣлицей: въ этой комедіи очень серьезные и очень, по видимому, разсудительные люди впутаны въ самую пошлую, въ самую банальную и къ тому же совершенно невѣроятную почти интригу, которой отдаются они всецѣло и которою увлекаются до рѣшительнаго забвенія всѣхъ другихъ интересовъ жизни. *Самая пошлая, самая банальная интрига!* Что, кажется, пошлѣе и банальнѣе той интриги, въ которую впутаны дѣйствующія лица *Ревизора*? *Совершенно невѣроятная интрига!* Что, кажется, невѣроятнѣе интриги, въ которую вовлечены дѣйствующія лица *Женитьбы*? Не самимъ-ли авторомъ названа *Женитьба* — *совершенно невѣроятнымъ происшествіемъ*? А между тѣмъ, что дороже намъ этихъ двухъ комедій? А между тѣмъ не составляютъ-ли эти двѣ комедіи гордость и лучшее украшеніе нашего репертуара? Мы намѣренно сдѣлали ссылку на пьесы Гоголя, потому что онѣ ближе всего подходятъ къ этой комедіи Шекспира. Между комедіями Гоголя и *Виндзорскими проказницами* слишкомъ много общаго, такъ много, какъ это, если хотите, и не кажется съ перваго взгляда. Надо замѣтить, что Шекспиръ ни на одну изъ пьесъ своихъ не потратилъ такъ мало густыхъ и яркихъ красокъ, какъ на эту комедію; а между тѣмъ въ рѣдкой изъ другихъ комедій его онъ съ такою злою ироніей посмѣялся надъ истинно смѣшными сторонами жизни и съ необыкновенной силой и убѣдительною доказалъ ту неопровержимую истину, что и жизнь, какъ природа, боится пустоты. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какого рода жизненные интересы существуютъ для иныхъ, очень серьезныхъ и разсудительныхъ людей, чѣмъ и какъ эти очень серьезные и разсудительные люди наполняютъ пустоту и безсодержательность ихъ жизни. Подобно полипамъ, жадно цѣпляются они за всякую мелочь, чтобы только къ чему нибудь липнуть, за что нибудь держаться и такимъ образомъ имѣть возможность существовать. Такъ и кажется, что всѣ лица комедіи живутъ одною только способностью, однимъ неудержимымъ стремленіемъ — обма-

вывать и обманываться. Можно-ли безъ смѣха смотрѣть, какъ дѣйствующія лица комедіи ходятъ ходуномъ и вертятся до головокруженія въ вихрѣ жизни? Вотъ бы гдѣ слѣдовало г. Островскому покатать настоящей-то *пучины!* Вовлеченные въ жизненный водоворотъ, кружатся неудержимо, кружатся безъ ума и безъ памяти взрослые и даже престарѣлые люди, степенные граждане, честные и почтенные отцы и матери семействъ; кружатся они и въ этомъ круженіи раскрываются до внутренней натуры и для самихъ себя, и другъ для друга, и для зрителей. И что же оказывается въ результатъ, въ концѣ концовъ этого взбалмошнаго верченья? До нельзя смѣшная и страшно безцѣльная трата жизни. До нельзя *слишкомъ!* Но вѣдь смѣшное смѣшному — рознь. Мы смѣемся надъ ужимками и гримасами обезьяны, мы смѣемся надъ языкомъ попугая, мы смѣемся надъ неповоротливостью носорога или слона, мы смѣемся остротѣ и легкой шуткѣ веселаго человѣка; но этотъ смѣхъ — съ насъ, какъ съ гуся вода. Надъ кѣмъ же и какой шуткѣ смѣемся мы въ *Виндзорскихъ проказницахъ*? Мы смѣемся въ этой комедіи надъ людьми, которымъ имя: легионъ; мы смѣемся въ этой комедіи злой шуткѣ надъ цѣлымъ человѣчествомъ, шуткѣ, отъ которой, если пристальнѣе взглянуть въ смыслъ ея, волосъ становится дыбомъ. Поэтому ко всѣмъ смѣющимся надъ людьми этой комедіи могутъ быть обращены слова Гоголя: *Надъ чѣмъ смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!* Всякій, мало-мальски внимательный зритель посмѣется надъ *Виндзорскими проказницами* тѣмъ же самымъ смѣхомъ, какимъ смѣется онъ (т. е. опять-таки зритель внимательный) надъ *Ревизоромъ* и *Женитьбой*, смѣхомъ, въ которомъ скажутся незримыя слезы и глубокая душевная тоска, стало быть, чисто гоголевскимъ смѣхомъ. А между тѣмъ въ комедіи Шекспира, какъ и въ гоголевскихъ комедіяхъ, нѣтъ тѣни, нѣтъ слѣда не только чего нибудь грустнаго, но даже и важнаго; въ ней все такъ шумно, живо и увлекательно-весело. При сопоставленіи комедіи Гоголя съ этою комедіею Шекспира, съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ послѣдней характеры дѣйствующихъ лицъ очерчены слабѣе; но это можетъ казаться только потому, что лица шекспировой комедіи у насъ — не на своей почвѣ, что на нашей сценѣ они разумеется, должны были остаться только при общечеловѣческихъ чертахъ ихъ характеровъ и утратить много національных и мѣстныхъ чертъ, которыми должны изобиловать они у себя дома, на своей родной почвѣ, на англійской сценѣ. Богъ знаетъ еще, менѣе-ли поблѣднѣли бы въ своей характерности лица комедій Гоголя, переведенныя на иноземный языкъ, перенесенныя на иноземную сцену. Въ *Виндзорскихъ проказницахъ* многіе (въ томъ числѣ и Гервинусъ) видятъ слишкомъ исключительное развитіе интриги, называютъ эту комедію — *комедіею интриги* и это свойство ставятъ ей въ недостатокъ. Мы, напротивъ, не знаемъ другой пьесы, въ которой бы развитіе интриги такъ уравновѣшивалось и умѣрялось развитіемъ характеровъ и самая интрига совершенно зависѣла отъ дѣйствующихъ лицъ и управлялась не случаемо, а ихъ произволомъ. Какъ главная

интрига пьесы, такъ и всѣ мелкія интрижки, которыя такъ легко перекрещиваются съ главной, вполнѣ вытекаютъ изъ положенія и поступковъ дѣйствующихъ лицъ. Нѣтъ, по нашему, рѣшительно не въ этомъ и не съ этой стороны слѣдуетъ искать недостатковъ пьесы. Слабое мѣсто комедіи заключается скорѣе въ томъ, что въ основаніе ея положена шутка и что шутка эта вышла очень продолжительна; продолжительною же вышла, а болѣе кажется она потому, что Шекспиръ слишкомъ глубоко, слишкомъ со дна зачерпнулъ ту жизнь, которая дала содержаніе его милой картинкѣ, нѣсколько, пожалуй, во фламандскомъ жанрѣ. Авторъ комедіи такъ ловко и всецѣло умѣлъ ввести насъ въ самую средину, въ самую суть жизни почтенныхъ гражданъ Виндзора, что этотъ отрывокъ, этотъ небольшой эпизодъ мѣщанской жизни кажется намъ безконечнымъ продолженіемъ ея; во время представленія комедіи поэтому намъ кажется, что она будетъ безъ конца; по окончаніи ея, мы совершенно убѣждаемся въ томъ, что жизнь всѣхъ этихъ простыхъ и милыхъ людей и прежде была и послѣ всегда будетъ такою, какою мы видѣли ее въ комедіи. По закрытіи завѣса, зритель не сомнѣвается, что мистриссъ Фордъ и Педжъ не перестанутъ шутить свои добродѣтельныя шутки, мистеръ Фордъ при первомъ же случаѣ будетъ ревновать свою жену, Слэндеръ найдетъ новый предметъ искательства и сватовства, Квикли будетъ усердствовать всѣмъ и каждому и т. д. до самаго сэра Фольстафа, который, въ своей несправимости, скоро забудетъ все случившееся съ нимъ и не отстанетъ отъ волокитства, можетъ быть, даже за тѣми же самыми мистриссъ, которыя такъ зло позабавились надъ нимъ; онъ и такъ уже въ концѣ пьесы, не отказывается отъ приглашенія мистриссъ Паджъ. Вотъ, по нашему крайнему разумѣнію, тотъ недостатокъ комедіи, который могъ быть замѣченъ легче всего и всѣми, тогда какъ достоинства ея могли усвоиться только внимательнымъ зрителямъ, пришедшимъ въ театръ не для того, чтобы убить въ немъ ненужное время. Но можно-ли рассчитывать на сколько нибудь достаточное число такихъ зрителей въ нашей публикѣ, которая такъ привыкла зѣвать въ театрѣ и вниманіе которой поддерживается самымъ насильственнымъ образомъ погрешками современныхъ пьесъ. Мы высказали всѣ тѣ соображенія, которыя не позволяли намъ ожидать, чтобы *Виндзорскія проказницы* имѣли успѣхъ на нашей сценѣ, понравились нашей публикѣ.

Не смотря однако на то, что мы почти были увѣрены въ неуспѣхъ комедіи и въ холодномъ приѣмѣ, который ожидалъ ее, мы все-таки шли на первое представленіе ея со страхомъ и трепетомъ. Этимъ представленіемъ для насъ рѣшался вопросъ: быть или не быть Шекспиру на нашей сценѣ?—и, дѣло прошлое, мы сильно боялись за отрицательное рѣшеніе его. Въ послѣднее время на нашей сценѣ довольно удачно разыграны три другія комедіи Шекспира; но во всѣхъ этихъ комедіяхъ есть такъ называемыя, сильныя роли, которыя обрисованы рѣзкими, крупными чертами, иллюминированы яркими красками и которыя поэтому легко поддаются исполненію. Въ *Виндзорскихъ проказницахъ*

такихъ сильныхъ, особенно выдающихся изъ рамы пьесы ролей нѣтъ почти вовсе, такъ что даже и первенствующее лицо Фольстафа почти приравнивается по степени обрисовки къ другимъ лицамъ. Необыкновенно тонкое и расчетливое очертаніе ролей этой комедіи требуетъ отъ исполнителей немалого умѣнья, значительныхъ средствъ и потомъ больше всего желанія всмотрѣться и вдуматься въ характеристику каждаго дѣйствующаго лица. Мы, признаемся, сильно боялись, что всего этого у нѣкоторыхъ изъ нашихъ исполнителей или не достанетъ вовсе, или окажется въ слишкомъ небольшой мѣрѣ. По счастью, наша боязнь была совершенно неосновательною; всѣ наши опасенія теперь совершенно разсѣялись. Къ чести нашихъ артистовъ, надо сказать, что у нихъ нашлось очень и очень не мало всего того, чего требовали отъ нихъ ихъ роли. Необыкновенно добросовѣстно, съ полнымъ желаніемъ сдѣлать на пользу пьесы все зависѣвшее отъ нихъ, наконецъ и съ замѣчательнымъ искусствомъ отнеслись они къ исполненію *Виндзорскихъ проказницъ* и изъ труднаго дѣла вышли побѣдителями. Говоримъ не обвиняя, что исполненіе этой комедіи на нашей сценѣ оставляетъ далеко за собою исполненіе трехъ другихъ комедій Шекспира. Не можемъ не начать съ г. Самарина. На роль Фольстафа, какъ и на другія, исполненныя имъ до сихъ поръ шекспировскія роли, положилъ онъ много добросовѣстнаго труда, внимательнаго изученія. Къ сожалѣнію, надо сказать, что все это выразилось только въ умномъ изложеніи и чтеніи роли, да развѣ еще въ костюмировкѣ. Ни лицомъ, ни игрою г. Самаринъ Фольстафомъ не былъ. Артисту не достало вовсе фольстафовской животности, которою прежде всего преисполнена личность этого *рыцаря*. Многія изъ тѣхъ разнообразныхъ ощущеній, которыя переиспытываетъ въ теченіе комедіи Фольстафъ, находили себѣ у г. Самарина слишкомъ чистое и искреннее выраженіе, такъ что отзывались мѣстами даже истиннымъ чувствомъ, тогда какъ должны бы были имѣть характеръ профанціи чувства, точно такъ-же какъ и самъ Фольстафъ не столько человѣкъ, сколько пародія на человѣка. Лицо его также, какъ намъ казалось, вовсе-таки не подходило къ характеру роли; оно сіяло старческою пріятностью и добродушіемъ и было привлекательно, тогда какъ должно бы было производить отталкивающее впечатлѣніе выраженіемъ крайней чувственности, надутаго нахальства и носить на себѣ отвратительныя слѣды самой порочной и разнузданной жизни. Не обошлось, разумѣется, безъ того, чтобы нѣкоторыя мѣста роли не удались артисту; такъ, истинный Фольстафъ явился у г. Самарина, когда, выслушавъ отъ Квикли приглашеніе на два свиданія, онъ всецѣло отдавался самодовольству; въ этомъ самодовольствѣ было дѣйствительно много фольстафовскаго; съ фольстафовскими же трусостью и безстыдствомъ выбѣгалъ онъ, въ 3-мъ дѣйствіи, изъ своей засады для того, чтобы посмотреть, какова вмѣстимость корзины и не можетъ ли онъ въ ней укрыться отъ преслѣдованія ревниваго мужа. За то многое въ исполненіи г. Самарина получило иную, чѣмъ у Шекспира, окраску; передавая гадкое,

льстивое увиванье Фольстафа, онъ впадалъ въ сентиментальность; въ сценахъ съ Фордомъ, когда тотъ является къ нему подъ именемъ Брука, онъ былъ важенъ слишкомъ доброкачественною важною, важною настоящей пробы, а не напускнымъ значаньемъ, отъ чего нѣсколько пострадалъ комизмъ всѣхъ этихъ сценъ; наконецъ, въ послѣднемъ дѣйствіи и особенно при самой развязкѣ пьесы г. Самаринъ почти вышелъ изъ роли; такъ что присутствіе Фольстафа почти не чувствовалось на сценѣ, а на приглашеніе мистриссъ Педжъ идти къ нимъ въ домъ, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣчалъ самымъ учтивымъ отвѣтомъ съ элегантнымъ расшаркиваньемъ. Поэтому о цѣломъ роли можно сказать, что оно положительно не удалось исполнителю и Фольстафа мы не видали.—За то мы видѣли настоящаго, живаго Форда въ исполненіи г. Шумскаго. Онъ съ большимъ искусствомъ передалъ лицо этого простяка-мужа, который весь поглощенъ семейными интересами, интересами своего дома; малѣйшій, незначительный поводъ можетъ нарушить миръ души его; онъ не умѣетъ, въ простотѣ своей, скрывать своего чувства, которое выражается у него тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оно искреннѣе и чѣмъ быстрѣе поддается онъ ему. Онъ сильно любитъ свою жену, а потому горячъ въ ревности и въ несдержанности своей доходитъ до смѣшнаго; за то съ полною искренностью винится онъ въ своихъ ошибкахъ и, мирясь окончательно съ женой, преисполняется необыкновеннаго вседовольства. Слишкомъ откровенный для того, чтобы хитрить, онъ рѣшается однако прикинуться не тѣмъ, что онъ есть, съ единственною цѣлью узнать важную для него правду. Все это нашло себѣ очень отчетливое и толковое выраженіе у г. Шумскаго. Сколько оригинальности и комизма было въ его ревности, когда въ 3-мъ дѣйствіи, входя на сцену, онъ снова встрѣчается въ дверяхъ съ корзиной, о которой только что говорилъ съ Фольстафомъ; думая, что онъ наконецъ поймалъ негодяя, нарушающаго его домашній миръ, онъ испытываетъ такъ много наслажденія, что хочетъ подѣлиться имъ съ присутствующими при этомъ открытіи его; поэтому онъ не вдругъ не сразу хочетъ обнаружить Фольстафа въ корзине и принимается въ нѣсколько пріемовъ выбрасывать изъ корзины бѣлье, которымъ она наполнена. За то, обманувшись, въ какомъ отчаяніи поникаетъ онъ головой и остается нѣсколько минутъ безъ движенія надъ роковой корзиной! Видно было, что притыженный Фордъ боится отвернуться отъ корзины, чтобы не встрѣтить насмѣшливыхъ взглядовъ свидѣтелей его ошибки. Очень хорошъ былъ г. Шумскій въ сценѣ сильнаго раздумья, въ 1-мъ дѣйствіи, когда узнаетъ, что Фольстафъ имѣетъ виды на его жену. Если чего и не доставало артисту, такъ это именно той буржуазности, печать которой должна въ значительной степени лежать на Фордѣ. Да еще намъ казалось, что гораздо сильнѣе должно было бы выразиться участіе Форда къ разсказу Фольстафа о первомъ похищеніи послѣдняго у жены Форда. У Шекспира ненужныхъ повтореній не бываетъ вообще, а разсказъ Фольстафа о его первомъ приключеніи, совершившемся на глазахъ у зрителя, былъ бы совершенно не нуженъ, если бы тутъ у

автора не было особеннаго расчета. Во время монолога Фольстафа все вниманіе зрителя сосредоточено на Фордѣ, на котораго рассказъ о приключеніи Фольстафа долженъ произвести едва ли не сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ на Фольстафа самое приключеніе. Поэтому Фордъ долженъ выслушивать Фольстафа съ живѣйшимъ, тревожнымъ участіемъ и, въ нетерпѣніи узнать все какъ можно скорѣе, долженъ, зная на половину нѣкоторыя подробности дѣла, помогать рассказывать и подсказывать не только полуправами своей роли, но и всѣми движеніями и взглядами. Впрочемъ, эти сцены съ Фольстафомъ въ общемъ у г. Шумскаго полны были самаго естественнаго комизма и въ оба представленія комедіи вызвали со стороны публики одобреніе. Роль Форда, по положенію — труднѣйшая въ пьесѣ и тѣмъ больше чести артисту, который передалъ ее такъ обдуманно и съ такимъ искусствомъ. — Истинное наслажденіе доставилъ намъ г. Дмитревскій прекраснымъ исполненіемъ роли пастора Эванса. Мы видѣли въ немъ самаго суетнаго служителя церкви, въ устахъ котораго библейскій псаломъ смѣшивается съ романсомъ; мы видѣли въ немъ настыря душъ, который, въ рьяной заботливости о своей паствѣ, вмѣшивается во всѣ семейныя дѣла, во всѣ мелочи, интриги и даже забавы пасомыхъ имъ; онъ не прочь сладить лишнюю свадьбу, зная хорошо, что никому другому, какъ ему же, придется и освящать этотъ союзъ благословеніемъ церкви; мы видѣли въ немъ человѣка, полнаго сознаниемъ собственного достоинства, которое онъ въ крайнемъ случаѣ готовъ даже поддержать шпагою, но большаго труса, который всѣми силами души привязанъ къ благамъ жизни и потому сильно боится потерять эту жизнь. Особенною четкостью и разнообразіемъ отличалась игра артиста въ трудной сценѣ 3-го дѣйствія, когда Эвансъ, въ ожиданіи противника, терзается между страхомъ, досадою и надеждою, что противникъ не придетъ, а между тѣмъ хочетъ прикрыть всѣ эти ощущенія наружнымъ спокойствіемъ. Г. Дмитревскій безъ верхняго платья (Эвансъ разгоряченъ внутреннимъ волненіемъ), въ одномъ камзолѣ, съ рапирой въ одной рукѣ и съ книгой въ другой, раскачивалъ неровными и скорыми шагами по сценѣ и, возводя взоры къверху, дрожащимъ голосомъ бормоталъ слова пѣсни; а при извѣстіи о приближеніи доктора Кайюса, какъ будто лихорадочный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ его; ноги стали подкашиваться, шагъ сократился и слова пѣсни замирали на устахъ. Общее впечатлѣніе пополнилось прекрасно загримированнымъ лицомъ: вытянутое и испитое оно выражало нѣкоторую тупость и носило на себѣ слѣды не безстрастной жизни пастора. — Очень удачно передалъ г. Петровъ роль доктора Кайюса; онъ былъ завзятымъ французомъ, горячимъ и дерзкимъ, отчаяннымъ забіякой и бреттеромъ, надутымъ педантомъ и до нельзя смѣшнымъ въ своей невозмутимой серьезности человѣкомъ. Во второе и третье представленіе комедіи въ роли Кайюса мы видѣли г. Федотова, который игралъ ее въ томъ же духѣ и тоже былъ очень хорошъ. — Прекрасна была г-жа Шубертъ въ роли Квикли и

мы не знаемъ, можно-ли прибавить еще что нибудь къ тѣмъ свойствамъ, которыя она съ такимъ мастерствомъ и съ такою полнотою передала въ этой роли. Суетливость, вкрадчивость, пронырство, умѣнье влѣзть въ душу и въ карманъ, наконецъ это уморительно-откровенное и до нельзя искреннее желаніе сдѣлать все для каждаго — все это слившись въ исполненіи г-жи Шубертъ, составило чрезвычайно живое, оригинальное, совершенно правдоподобное и комичное лицо. Все, отъ хорошо загримированнаго лица и костюма до походки, до этого сѣмененія ногами до послѣдняго жеста, было у артистки какъ нельзя болѣе на мѣстѣ и шло къ характеру роли. Она вызвала у зрителя невольную улыбку уже однимъ появленіемъ своимъ на сцену, на которую входила она или, вѣрнѣе, влетала вся въ попыхахъ съ заботливымъ выраженіемъ въ лицѣ и, увидавъ кого нибудь въ комнатѣ, вдругъ, какъ бы спохватываясь, останавливалась на нѣсколько мгновений и за тѣмъ, съ частыми поклонами и ужимчиво выгибаясь, подходила къ тому, съ кѣмъ хотѣла завести разговоръ. Нѣкоторыми мѣстами роли она просто поражала зрителя, какъ напр. этимъ быстрымъ, неожиданнымъ перерывомъ рассказа о мистриссъ Пэдждъ и восторженнымъ восклицаніемъ по поводу любви этой мистриссъ къ Фольстафу. За то, съ другой стороны, кое-что въ умномъ исполненіи артистки и пропадало, оставшись незамѣченнымъ, какъ напр., ловко придуманное, въ разговорѣ съ Фольстафомъ (4-е дѣйствіе), поглядыванье на карманъ Фольстафа, выпроваживающаго ее изъ комнаты. Подобное, глубоко обдуманное исполненіе должно быть вмѣнено въ большую заслугу артисткѣ. — Г-жа Колосова была на мѣстѣ въ роли мистриссъ Фордъ. Мы видѣли въ ней добрую жену; женщину созрѣвшую, но далекую еще отъ старости; неглупую, бойкую, изобрѣтательную на проказы, умѣющую притвориться и позабавиться надъ ревнивцемъ-мужемъ; а именно всѣмъ этимъ и должна быть мистриссъ Фордъ. — Чужа Пэджей нѣсколько блѣднѣе въ пьесѣ четы Фордовъ, уже по одному тому, что она старше и степеннѣе. Мистриссъ Пэдждъ, хотя и принимаетъ дѣятельное участіе въ проказахъ своей пріятельницы, но уже только какъ пособница, предоставляя начинъ дѣла мистриссъ Фордъ. При этомъ она однако умѣетъ во время сдержатъ себя и явить въ себѣ кому слѣдуетъ, какъ напр. Фентону, уважаемую мать семейства (на нашей сценѣ у Пэдждъ одна дочь; по Шекспиру, у нея имѣется еще и сынъ). Всѣ эти положенія выдержала г-жа Васильева. — Самъ Пэдждъ полонъ невозмутимаго спокойствія, но не холодности и флегматичности, которыя лвились въ исполненіи г. Садовскаго. Въ Пэдждъ много самообладанія, разсудительности и житейской опытности, чѣмъ и обуславливается его спокойствіе. Въ этомъ спокойствіи Пэдждъ самъ видитъ свое превосходство надъ Фордомъ и не пропускаетъ случая дать ему почувствовать это. — Г. Никифоровъ съ толкомъ передалъ роль весельчака, забавника и остро слова хозяина гостиницы *Подвязка*; тутъ даже его обычное вытаскиванье и подчеркиванье словъ было совершенно кетати, потому что этотъ острякъ дорожитъ каждою острою своею и старается всячески о томъ, чтобы ни одна

изъ этихъ остротъ не ускользнула отъ посторонняго вниманія; съ этою цѣлю онъ даже иногда прибавляетъ къ той или другой остротѣ своей: *a word needrno сказано*.—Г. Рябовъ отнесся къ небольшой роли Слэндоръ добросовѣстно, но не могъ дать ей всего, чего эта роль требуетъ отъ исполнителя; у него не было слэндеровскаго полуидиотизма, забавно-глупой наивности.—Роль стараго болтуна Шалло не удалась г. Степанову, котораго во многихъ мѣстахъ нельзя было понять; къ тому же онъ разставлялъ безъ нужды слова, что вовсе уничтожало болтливость мирнаго судьи.—Объ остальныхъ исполнителяхъ комедіи можно смѣло сказать, что они не испортили своихъ ролей. Только г-жа Мухина по наружности не совсѣмъ подходила къ роли Анны Пэдждъ, которая должна имѣть темныя волосы, о чемъ говоритъ Слэндоръ (*The has brown hair—1 д., 1 сц.*); да еще г. Лаврову посоветовали бы мы порѣже прибѣгать къ пѣтушинымъ приемамъ, которые могутъ быть не лишними для роли Нима, но которыми во всякомъ случаѣ нельзя же злоупотреблять. Итакъ, если исполненію *Виндзорскихъ проказницъ* и можно еще пожелать очень многого, то во всякомъ случаѣ оно выказало, что въ нашей драматической труппѣ не мало хорошихъ, дѣятельныхъ силъ. Остается только отъ всей души желать, чтобы эти силы какъ можно менѣе тупились о бездарнѣйшія произведенія современнаго пошлѣйшаго репертуара и какъ можно болѣе вырабатывались и выяснялись на пьесахъ репертуара классическаго.

Теперь, надѣмся, мы объяснили нашимъ читателямъ, почему, послѣ представленія *Виндзорскихъ проказницъ*, не смотря на неуспѣхъ комедіи, мы вынесли изъ театра самое отрадное впечатлѣніе и много надежды.

Постановка пьесы недурна. Декорации и костюмы прибраны старательно, если сдѣлать исключеніе для большой круглой готической съ пилонами и статуэтками залы въ домѣ Пэджда, вмѣсто которой мы желали бы видѣть какую-нибудь другую декорацию, много попроще. Всѣ чистыя перемѣны декораций производились очень скоро и не задерживали хода пьесы, за что мы еще разъ не можемъ не сказать добраго слова г. Тимофееву. Въ режиссерскомъ отношеніи мы пожелали бы только большей аккуратности въ выходахъ, устраненія немногихъ перерывовъ хода дѣйствія и задержекъ, да мѣстами лучшаго расположенія дѣйствующихъ лицъ по сценѣ; особенно неудобна группировка въ той сценѣ, когда Фордъ, послѣ напрасныхъ поисковъ, стоитъ надъ корзиной; очень интересное положеніе г. Шумскаго почти пропадаетъ, потому что артиста заслоняютъ отъ публики другія лица, находящіеся въ это время на сценѣ. Кстати, почему на афишѣ слово: *мистриссъ* (*mistress*) пишется чрезъ одно *s*: *мистриссъ*?

Судить о переводѣ этой комедіи, не имѣя этого перевода въ рукахъ, а на основаніи того только, что слышалось со сцены—почти нельзя, потому что многое могло быть произнесено тѣмъ или другимъ артистомъ не такъ, какъ написано переводчикомъ. Намъ, впрочемъ, показалось, что переводъ *Виндзорскихъ проказницъ* лучше переводовъ другихъ пьесъ Шекспира, сдѣланныхъ г. Кетчеромъ. Это, можетъ

быть, объясняется тѣмъ, что языкъ этой комедіи, дѣйствіе которой не выходитъ изъ круга самой будничной жизни, сравнительно легче, проще и свободнѣе отъ эвфуизмовъ. Впрочемъ, языкъ перевода не отличается разговорностью, чему доказательствомъ служатъ фразы въ родѣ: *да содѣлаетъ васъ небо лучшими вашихъ мыслей* (въ устахъ Квикли), *скудельничья природа человека* и многія другія, которыхъ теперь не можемъ припомнить. Потомъ намъ кажется, что напрасно англійское: *Moskwater* г. Кетчеръ передалъ русскимъ словомъ: *морилла*, которое къ тому же въ произношеніи г. Никифорова звучитъ чѣмъ то нерусскимъ и непонятнымъ, потому что онъ для чего-то сдваиваетъ *л* въ концѣ слова: *морилла* (д. 2, сц. 3). Едва ли также слова Слэндера: *Люблю какъ люблю изъ женщинъ* (д. 3, сц. 4) есть вѣрный переводъ англійскаго выраженія: *«as well as i love any woman in Gloucesterchire.»* У Шекспира Слэндоръ этимъ хочетъ только сказать, что онъ любитъ Анну, какъ не любитъ никакую другую женщину въ Глочестерширѣ; такъ понимають это мѣсто и Шлегель (*so sehr als irgend eine Frauensperson in Glostershire*) и новѣйшій французскій переводчикъ Ф. В. Гюго (*autant que j'aime aucune femme du Gloucestershire*). Указываемъ только на то, что случайно бросилось въ ухо и еще разъ отказываемся отъ окончательнаго и болѣе обстоятельнаго сужденія о переводѣ за неимѣніемъ его подъ руками.

Въ первое представленіе изъ исполнителей раза три вызывали только гг. Самарина и Шумскаго, изъ которыхъ первому сдѣланъ былъ подарокъ. Этимъ подаркомъ люди, внимательные къ нашему театральномудѣлу, такъ удачно почтили заслуги этого артиста по введенію въ нашъ репертуаръ и на нашу сцену пьесъ Шекспира. Во второе и третье представленія комедіи приемъ былъ уже, говоря вообще, не такъ холоденъ, вызовы были чаще, а въ концѣ спектакля сотня, другая голосовъ съ разныхъ мѣстъ театра начала было довольно настоятельно вызывать *всѣхъ* исполнителей, но вызовъ этотъ не встрѣтилъ себѣ поддержки въ остальной части публики. Во всякомъ случаѣ изъ этого видно, что въ слѣдующія два представленія внимательныхъ зрителей было уже гораздо больше, чѣмъ въ первое, и мы увѣрены, что число ихъ будетъ возрастать съ каждымъ новымъ представленіемъ комедіи. Пьесы Шекспира исполняютъ условіе всѣхъ истинно художественныхъ произведеній: чѣмъ больше смотришь ихъ, тѣмъ больше въ нихъ видишь и тѣмъ больше хочешь смотрѣть.

С М Ъ С Ъ.

Пѣвица московскихъ театровъ, г-жа Оноре, уѣзжаетъ въ Мадридъ, куда она приглашена пѣть оперы: *Пророкъ*, *Фаворитка*, *Трубадуръ*, *Гугеноты*, *Фаустъ* и *Сафо*. Италіанскую оперу въ Мадридѣ составляютъ г-жи Барбо, Оноре, Борги Мамо, Польканъ, гг. Монджини, Андреевъ, Лефранъ, Стеллеръ, Вилетти и капельмейстеръ Вланези. На этихъ дняхъ г-жа Оноре получила приглашеніе пѣть зимній сезонъ въ Миланѣ, на театрѣ Ла-Скала, но она не

могла воспользоваться этимъ приглашеніемъ, потому что заключила контрактъ съ дирекціею московскихъ театровъ.

На дняхъ въ Москву прѣдетъ извѣстная танцовщица, г-жа Кукки. Она съ успѣхомъ танцевала въ Петербургѣ. И теперь приметъ участіе въ нѣсколькихъ спектакляхъ на московской сценѣ.

Танцовщица московскихъ театровъ, г-жа Дюшенъ оставила службу при театрѣ. Она, говорятъ, выходитъ за мужъ. Актриса тѣхъ же театровъ, г-жа Гельцеръ тоже сошла со сцены по той же причинѣ.

Въ Парижской Большой Оперѣ репетируютъ балетъ «Жизель» для нашей любимицы, г-жи Гранцовою, которая прѣехала уже въ Парижъ и на дняхъ будетъ дебютировать въ этой роли.

Газета *Moniteur universel* извѣщаетъ, что директоромъ Большой Оперы въ Парижѣ остается Перренъ. Парижская публика крайне этимъ недовольна и недавно, во время спектакля, выразила свое неудовольствіе шиканьемъ и свистками, хотя о назначеніи Перрена директоромъ Оперы не было еще заявлено официально.

Ред. А. Баженовъ. За изд. Ив. Смирновъ. (Ред. на Молчановѣ, въ Годенскомъ пер., въ д. Дурновой).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ ГОСТИНИЦѢ МОСКВА

К. БАРСОВА,

ВЪ ОБЩЕЙ ЗАЛѢ,

въ Воскресенье, 24 Апрѣля, съ 7½ часовъ вечера,

БУДЕТЪ ИГРАТЬ ОРКЕСТРЪ МУЗЫКИ,

ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ

Г. ГЕНЕ,

и пѣтъ полный хоръ Московскихъ цыганъ, подъ управленіемъ
ГАВРИЛЫ ФЕДОРОВА.

ПРОГРАММА:

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е:

1. Zuaven, маршъ, Фауста.
2. Увертюра *Dichter und Bauer*, Зуппе.
3. *Dorfschwalben*, вальсъ, Страусса.
4. *Bravoure*, полька, Герцога.
Соло для корнетъ-а-пистонъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е:

5. Финаль изъ оп. «*Lucia di Lammermure*»,
Донизетти.
6. *Museu*, кадрили, Страусса.
7. Каватина изъ оп. «*Бетли*», Донизетти.
8. *Jenny*, мазурка, Гейнсдорфа.

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е:

9. Увертюра «*Si j'étais roi*», Адама.
10. *Venus Reigen*, вальсъ, Гуччя.
11. Интермедія изъ «*den Zweikampf*», Герольда.
12. «*Почталонъ*», полька, Гемпеля.

ОТДѢЛЕНІЕ 4-е:

13. Попури «*Маскарадъ*», Гене.
14. *Leitartikel*, Страусса.
15. *Abendständchen*, Баха.
16. «*Пифъ, пафъ, пуфъ*», галопъ, Стасни.

Программу піесъ можно требовать отъ служителей гостинницы.

Кушанья можно получать обѣдами, отъ 1 ч. до 7 ч. вечера: скоромныя изъ 7 блюдъ и кофе 1 р. 50 к., изъ 6 блюдъ и кофе 1 р.; порціями же по преіесъ-куранту. Чай, кофе, шоколатъ, вина отъ Дебре, по карточкѣ, подъ № №, по умѣренной цѣнѣ.

ТОЛЬКО ЧТО ПОЛУЧЕНЫ ИЗЪ ПАРИЖА
ПИСТОЛЕТЫ БЕНУАТОНЪ,
 цѣна 43 коп. за шт., съ одною коробкою пистоновъ.
 ВЪ МАГАЗИНѢ ГОРОДЪ БРЕМЕНЪ, въ Столешников. переулкѣ.
 0—173.

ФОТОГРАФИЧ: ПОРТРЕТЫ
ОСИПА ИВАНОВИЧА
КОМИССАРОВА-КОСТРОМСКАГО
 СЪ СУПРУГОЮ
ЕЛИЗАВЕТОЮ ИВАНОВНОЮ
 20 КОП. ШТ., 2 РУБ. ДЮЖ.

Другихъ лицъ карточки 10 коп. шт., 1 р. дюж.

ВЪ МАГАЗИНѢ **П. П. КОЗЛОВА,** НА ПЕТРОВКѢ.
 0—159.

НОВѢЙШІЕ
ДАМСКІЕ ЗОНТИКИ
И АН-ТУ-КА,

отъ 4 руб. и дороже,

ВЪ МАГАЗИНАХЪ

А. МАТЬЁ.

1—162.

ВЪ МАГАЗИНѢ ДАБО,

на Кузнецкомъ мосту, въ д. Дабо,

ОБОИ

разныхъ сортовъ—самыхъ новыхъ отъ 20 к. за кусокъ и выше.

28—25.